

КАНИКУЛЫ

Маленькая детская повесть

1

(Мечты. Где Хомутов? Бабка Клювиха. В засаде. Побег.)

Если бы купить самолет либо попросить какого-нибудь летчика, чтобы залететь повыше и прыгнуть вон на то облако! Вот было бы мягко! Тут уж ногу не отшибешь, бухнулся бы как на подушку. А потом бы давай кувыркаться вниз и опять бы лезть вверх, и опять бы вниз, но чтобы подальше от края. Деревня и лес были бы как на блюдечке. Можно бы набрать в карманы мелких камней и кидать сверху в коров. Только чтобы в глаз не попало. Ни одна бы не усвистала за речку!

Или бы вырыть подземный ход. Сквозь всю гору под самой деревней. А после бы, когда останется чуть-чуть, проколупать маленькую круглую дырку и смотреть через нее. Тебя бы никто не видел, зато все поле как на ладошке. Стасик сегодня как раз пасет коров. И вот выскочить бы невзначай прямо у него под носом! Или бы собрать в одно место всех зверей, накормить до отвала, а после бы...

Раздался громкий стук. Это мать колотила в стену березовым коромыслом:

— Минька! Минька, бес, кому говорят, ступай домой. Самовар давно на столе.

Легко сказать, ступай! Минька сидел верхом на крыше, и, чтобы спуститься вниз, надо было пролезть в дыру на чердак. Потом пройти по длинной балке на большой высоте, затем пробраться на угол и уже по нему спускаться на безопасное место, цепляясь за щели и выступы. Хорошо если не разорвешь о какой-нибудь гвоздь штаны либо не раскровенишь брюхо.

Пить чай нисколечко не хотелось. Но все же пришлось лезть через все дыры и спускаться вниз. В избе Минька взял кусок пирога, испеченного с луком, и опять на улицу. Сегодня ни капусту полоть, ни доставать для нее воду из колодца. Надоела же эта капуста хуже горькой редьки! Каждый день поливаешь, а что толку? Не растет.

Минька решил посмотреть в колодец. Далеко внизу виднелось отражение, вся голова была не более пяточка. Учитель Сергей Михайлович однажды рассказывал, что если глядеть из глубокого колодца, то даже в полдень можно увидеть звезды.

Минька посмотрел на небо. Но какие же звезды в такую жару? Хотел было снова залезть на крышу, но он не любил делать два раза одно и то же.

Сказать по правде — скучно. Деревня такая маленькая, что в ней и всего-то десять домов. До соседней деревни два километра, а до клуба и школы-интерната целых пять. В школе нынче сделали летний лагерь. Минька, Стасик и Хомутов перешли в шестой класс. Правда, Хомутов остался на осень по русскому, вот козел! За изложение он получил двойку, потому что не поставил трех запятых. А переносы, так эти совсем не умеет делать. Где он сейчас?

И Минька отправился искать Хомутова.

По деревне летел пух одуванчиков. Пели петухи, чирикали ласточки. Да, совсем маленькая деревня. Не успеешь оглянуться, как опять подошла очередь коров пасти. Колхозных-то пасет постоянный пастух. И вот Стасик, бедняга, пасет сегодня этих личных коров, а дома ли Хомутов, еще неизвестно. Но если и дома, то кто знает, отпустит ли его бабка.

С бабкой Клювихой у Миньки уже нынче летом произошли две неприятные истории. Одна из-за ихнего кота, другая из-за самой Клювихи. Конечно, в первый раз они с Хомутовым были виноваты, хотя тоже не очень. Они хотели помирить кота со Стасиковым Тузиком, для чего выпустили из клетки цыплят и посадили туда сначала Тузика, потом кота. Результатов никаких не было. Даже хуже. Кот вцепился Тузику в нос. Тузик прокусил у кота ухо. Поднялось такое побоище, что цыплятница заходила ходуном и перевернулась. Дверца раскрылась. Кот вылетел оттуда как чумной. Он до вечера шипел на людей, не то что Тузик. Бабка смазала кота коровьим маслом, чтобы скорей заживали больные места. Он облизал свою масленую морду и успокоился, зато бабка наябедничала Минькиной матери. Второй раз Клювиха напустилась на Миньку совсем уж ни с того ни с сего, только за то, что он просто зашел к Хомутову. Этот раз даже вспоминать неохота, до чего противно.

Минька приблизился к хомутовскому огороду. В изгороди имелась щель между жердями. Он пролез в огород и залег в траве, как партизан. Запах травы кружил голову, кузнечики трезвонили слева и справа. Букашки и комары кусались, щекотались и ползали по босым ногам. Минька приподнялся в траве и осмотрел дом. Окно раскрыто, значит, Хомутов и бабка были на месте. Минька пополз ближе. Чтобы вызвать на улицу Хомутова, надо свистнуть либо тихонько бросить в раму шишкой от лопуха. Чего он там сидит, как тетёра?

Минька вытянул из травы шею. Вдруг его даже подкинуло, в спину, между лопатками, кто-то больно стукнул граблевищем.

— Нечистый дух! — Клювиха, которая стояла над ним, уже приноравливалась стукнуть еще. — Шельма, всю траву перемял!

Минька вскочил. Прямо через крапиву он бросился к изгороди, перемахнул ее, такую высокую, и не помнил, как оказался на околице за деревней.

«Хорошо еще, что не в голову», — подумал Минька насчет бабкиного граблевища.

Вызвать Хомутова стало совсем невозможно. Стасик пас коров, а Хомутов делает неизвестно что. И Минька решил накопать червей, чтобы пойти с удой в лес на Гришин омут.

В деревне все еще ругалась бабка Клювиха, и Миньке стало жаль Хомутова. Где-то он сейчас? Наверно, послали за хлебом, либо сидит на лавке, а бабка ругает его или иголкой достает у него из ноги занозу.

Каким ты был, таким остался,
Орел степно-о-о-й, казак лихой!

Шел Минька и орал во все горло. Еще махал удилищем. Махнешь раз — воздух свистнет. Махнешь два, удочка даже прогибается. С чего бы так? Чибис поднялся с луга и давай пищать, давай над головой летать, как будто его грабят! Высоко висели белые облака, шумел за кустами Евлахин трактор. На этом голубом «Беларусе» возят молоко на завод с соседней фермы. Ох и жук этот Евлаха! Прошлой зимой пропил колхозный тулуп, а отец Стасика, бригадир, даже ничего не мог сделать. Ругал, ругал Евлаху, а что толку? Тулупа-то нет.

Зачем, зачем ты снова повстречался,
Но ты и дорог мне такой.

Минька почувствовал, что пропустил какие-то слова, но решил не вспоминать и петь все сначала, чтобы слова вспомнились сами. Но тут ему стало не до песен. Дорога пошла по ольховым кустам, начиналось небольшое болотце. На Миньку сразу набросились крупные желтые оводы. Такой прокалывает как шилом кожу сразу до крови. И откуда их столько рождается? Ведь ежели они питаются кровью, сколько для них надо этой крови? Ее и взять негде. Может, они лосей кусают? Или зайцев?

Минька сорвал сухую былинку и поймал самого жирного овода. Проткнул былинку сквозь полосатое брюхо и отпустил. Овод загудел как вертолет, тяжело полетел прочь вместе с грузом. Долго его было видно в воздухе. Вот и лес. Стало душно, к оводам присоединились мухи и комары. Дорога раздвоилась, но Минька знал, куда идти. Сколько раз ходил с матерью на покос до самой реки! Так ведь то с матерью...

Он пошел тише и осторожней, лес, он лес и есть. Высокие сосны шумели над головой. Солнце скрылось за облаком, ветер сильнее прошумел вокруг. Миньке стало невесело, и он начал вспоминать веселые случаи из своей жизни. Как назло, все они вылетели из головы!

Минька положил уду. Потрогал в кармане спичечный коробок с червями и подтянул штаны. Огляделся. Где-то около вон той мохнатой елки скрывается вторая отворотка к реке. Потом должна быть моховая низинка. Дальше, на горке, будет большая березина с гнилым дуплом. А что за горужкой?

Минька смело пошел дальше. Ага, все правильно! Все было по-старому, только в болотце нынче меньше уродилось черники, да и береза с дуплом показалась почему-то не такой большой, как в прошлом году.

Дорога заросла малиной, крапивой и кустами крушины. Чтобы не заблудиться на обратном пути, Минька изредка заламывал ветки. Он вышел на прибрежную полянку, как раз к старому, давно не действующему дегтярному заводу. Ну какой это завод? Не завод, а обычный сарай с тесовой прогнившей крышей.

Минька, остерегаясь крапивы, обошел его кругом, потрогал незапертый замок на воротах и не стал заходить внутрь. Он спешил к речке: а вдруг клюет самая крупная рыба?

Речка синела рядом, за кустиками. Минька не долго думая размотал удочку. Нашел у омута сухое место, вытащил червяка и торопливо начал насаживать. Червяк оказался такой толстый, изворотливый, что Минька еле с ним справился.

Нет ничего противнее насаживать червяка на крючок! Минька установил запуск, поплевал на червяка и забросил. Но поплавок не вставал на попа. Запуск, что ли, велик? Или на корягу закинул. Минька сделал запуск поменьше, закинул и стал ждать.

На другом берегу, совсем рядом, закуковала кукушка. Комары кусались теперь редко, но уж больно чесалась от них кожа. А поплавок словно уснул. Течением то и дело его сносило, Минька перекидывал удочку и от нечего делать начал дремать.

Говорили, что в этом месте давно когда-то утонул хозяин дегтярного завода немой Григорий. Он будто бы ночью ловил тут рыбу, и его утянула на дно голубая русалка. Будто бы его искали три дня, а когда вытащили из воды, то в волосах нашли маленький золотой гребешок. Немого Григория и похоронили около этого омута. «Все, наверно, врут!» – подумал Минька и съезжился.

Позади как будто послышался шорох. Кто-то двигался ближе и ближе. Минька замер, мураши побежали по его спине. Вдруг сзади кто-то глубоко и сильно вздохнул. «Фу, зараза,— выругался Минька.— Вот морда-то!» Краснопестрая Клювихина корова стояла в пяти шагах и большими круглыми глазами глядела на Миньку.

— Кыш! Чего надо?

У него отлегло от сердца. Стало опять спокойно, как будто ты не в лесу, а в деревне. Корова шумно принялась за траву. Она мотала головой и хвостом, держа оборону от комаров, мух, оводов. Другие коровы тоже бродили по лесу.

— Стасик! – закричал Минька, наставляя ладони рупором. – Ста-а-сик!

Минька прислушался. Только лес шумел да глухо звякали коровьи колокола. «Эх, будет ему теперь взбучка, – подумалось Миньке. – Прозевал коров-то. А если медведь?»

Подумав про медведя, Минька начал сматывать удочку. Куда бежать, если медведь выскочит? Минька читал в одном рассказе, что надо лечь на землю и притвориться мертвым, он понюхает и уйдет. Минька представил, как медведь его нюхает, и побежал к дегтярному заводу. Он и сам не заметил, как побежал, даже удочку оставил у омута. Очнулся у ворот и перевел дух.

Замок совсем заржавел. Минька еле вытащил его из пробоев. Толкнул дверь и забыл про медведя, в лицо пахнуло холодом и запахом плесени.

Сарай, где гнали когда-то деготь, был черный от сажи, углы затянуло паутиной. Большая печь с тремя топками осела набок. Вдоль каждой топки имелась еще круглая глиняная труба. Минька знал, что эти большие длинные трубы назывались кубами. В них плотно закладывалась береста, затем конец трубы закрывался круглой крышкой и щели наглухо замазывались глиной. Внизу, в топках разводили огонь. Береста в кубах нагревалась, из нее тек деготь. Минька залез в темноту позади этой большой печи и обнаружил железные трубки, которые выходили из кубов. Все три трубки были вставлены в одну большую, уже в деревянную. По ней-то деготь и стекал в черную бочку, врытую в землю. В бочке ничего не было, кроме всякого хлама.

Маленькое оконышко, сделанное в стене, совсем не светило. Минька сходил на улицу, нарвал травы и протер стекло. В сарае сразу стало светлее. Минька уви-

дел большие веревочные весы, привязанные к балке, две железные гири и круглые камни. Он долго не мог понять, для чего нужны эти камни. Догадался: железных гирь не хватало, вот и использовали вместо гирь камни. Он потрогал одну гирю — она даже не шевельнулась. «Ничего себе! — Минька подошел с другой стороны. — Сколько же весу в ней?»

Но в углу лежала большая куча бересты. Тяжелые толстые пластушины были сложены плотной стопой. Дедушка Селя, который был последним дегтярем, видимо, не успел выгнать из них деготь, завод закрыли, а сам он ослеп на один глаз. Минька тоже прищурил один глаз и оглядел остальные места. В том конце виднелись деревянные нары, что-то вроде кровати. А чуть поближе имелся стол и стояла тренога. На деревянном штыре висел какой-то балахон, на полу валялось много дров, да на полках Минька обнаружил коптилку, пустой котелок, четыре погну-тых железных гвоздя и рваное решето.

Завод был совершенно заброшен.

«Вот бы здесь переночевать... — подумал Минька и пошел проверять дверной крючок. — Только хлеба с собой нету...» И Минька вспомнил, что ему давно уже хочется есть.

3

(Встреча. Лесной дом. Уборка. Опять проштрафилась!)

Стасик искал своих коров по всему лесу, и слезы текли у него по щекам. Он в отчаянии бежал по дорожке, то и дело останавливался, чтобы послушать. Но нигде не было слышно колоколов.

Лес затихал под вечер.

Стасик, не помня себя, опять побежал. Запнулся, упал и больно ушибся о корневище. Он уже хотел зареветь, как вдруг увидел на тропке Миньку.

— Минька!

— Стасик!

— Беги сюда, чего-то скажу, — заорал Минька.

Стасик бегом бросился к другу.

— Ты чего своих коров распустил? — строго спросил Минька. — Бродят где попало.

— Они сами, — виновато сказал Стасик. — А ты, Миня, удить ходил?

— Никто не клюет, — Минька пришлепнул на щеке сразу трех комаров. — Пойдем завод поглядим.

— Пойдем! — обрадовался Стасик. — А я тебе гнездо потом покажу. Я гнездо нашел в поле. Только старое... Не живут.

Минька снова открыл ворота дегтярного завода. Он решил взвесить Стасика на старых весах, но из этого ничего не вышло. Они вместе с трудом закатали на весы большую железную гирю. Она оказалась тяжелей Стасика.

— Давай хоть печку затопим, — предложил Минька, но из этого тоже ничего не вышло. Спичек не оказалось.

— Надо бы увеличительное стекло взять, — сказал Стасик.

Ребята наломали по большому березовому венику, сложили дрова и начали подметать земляной пол. Подняли столько пыли, что Минька чихнул. Стасик тоже хотел чихнуть, но у него почему-то не стало чихаться. Минька сбегал с котелком на омут, принес воды для мытья мебели. Заодно прихватил и оставленную там удочку. Доски стола и тренога были все изрезаны и покрыты буквами. «ЕВМ», — прочитал Стасик и догадался:

— Евлаха! Это он навыврезывал.

— Гляди, гляди, и на дверях!

На дверях тоже красовалась фамилия тракториста.

— Двери открой! — приказал Минька. — Чтобы светлей и чтобы изба сохла. А рубахи снимем. Вон тут сколько сажи!

Минька и Стасик скинули рубашки и майки, снова принялись за работу. Обмели со стен паутину, вымыли стол и треногу. По очереди несколько раз бегали за водой на омут.

— Всё! — сказал наконец Минька и сел на треногу. Он положил ногу на ногу. Стасик уселся за стол на скамейке, тоже нога на ногу. Оба были очень довольны и сидели как дома.

И правда, в сарае стало чище и даже как-то уютнее.

— Только есть очень хочется, — уныло сказал Стасик. Минька встал. Он полез за печь, в темноту, и долго там пыхтел, что-то соображая.

— Знаешь что... — Минька вылез на свет. — Никому не скажешь?

— Не-е!

— Побожись!

Стасик набрал побольше воздуха, выпучил глаза и быстро проговорил:

— На поле-поляне, на высоком кургане огонь пышет, никто не слышит, слово-олово, честное пионерское, шилды-ковылды, пачики, мясные колачики, до неба пылает, никто не узнает!

— Сделаем тут наш дом! — тихо произнес Минька и оглянулся.

— Топор принесем, — шепотом сказал Стасик.

— Соли и спичек.

— Соль-лизунец в поле.

— А Хомутова возьмем?

— Возьмем. Только пусть побожится, что никому не скажет.

Ребята замолчали.

— Минь... — проговорил Стасик. — А ночевать? Тоже тут?

Минька ничего не ответил. Он думал, старательно наморщив лоб.

Солнце садилось. Оно било теперь прямо в раскрытые двери, освещая черную заднюю стену.

— Минь... — Стасик вдруг побелел. — А коровы-то....

— Ну и что? — сказал Минька, но про себя подумал: «Теперь обоим беда. Попадет. Наверное, уже взбучку назначили».

— Сразу тебе и реветь.

— Да... — хныкал Стасик. — Тебе что, коров-то не ты... Я пастух-то...

— Бежим! Только ворота запрем.

Они закрыли ворота, воткнули в пробой замок и побежали через лес что было сил.

— Стой, Стасик, не туда,— Минька остановился. Оба перевели дух.

— Туда, Миня, туда.

Оба прислушались, но коров нигде не было.

— Эта дорога домой?

— И эта домой.

— Значит, обе туда.

Солнышко село, стало прохладно. Комары закусались еще сильнее. Мальчики уже не могли бежать, когда впереди показалось поле и крыши домов. Около огородов оба пригнулись и начали тихо подбираться к деревне. Последние метры ползли по-пластунски, Минька впереди, Стасик сзади. Наконец они притихли в траве за старым колодцем.

Посреди деревни шумела Хомутовская бабка. Коров нигде не было, наверно, их уже загнали по дворам.

Ох и ругалась же эта Клювиха! Она стояла на середине улицы и махала руками, как ворона. Потому что коровы-то остались голодные. По словам бабки, выходило, что они, подняв свои хвосты, чуть ли не до обеда присвистали в деревню. Потом забились в заброшенную конюшню и все до одной простояли до вечера, остались не евши. И вот Клювиха честила Стасика почему зря, а заодно и бригадира. Потому что Стасик был сын бригадира.

— Пять ведь классов окончил! Пять! — кричала бабка про Стасика. — В пионеры записан. Весь день простояли коровушки. Много ли надоят после такой пастьбы?

— Стой, не вылазь!— прошептал Минька, дергая Стасика за рукав. Они лежали в траве, слушали. Вскоре подошла мать Стасика, соседка Лиля и мать Миньки. Они тоже начали обсуждать происшествие.

— Он где сам-то?

— Нету!

— И моего нету,— сказала мать Миньки.

Миньке и Стасику стало вдруг до слез жалко самих себя. Есть обоим хотелось так, что даже голова кружилась.

— Минь, давай выбежим,— шепнул Стасик, но Минька опять дернул его за рубаху.

Подъехал на «Беларуси» Евлаха, вылез из кабины и тоже давай говорить о коровах. Только из-за шума трактора никого не стало слышно, даже Клювиху. А когда подошел еще и отец Стасика, то есть бригадир, Стасик не выдержал. Он вскочил и у всех на глазах что есть духу побежал домой. Миньке после этого тоже ничего не оставалось делать. Не слушая, что кричит Клювиха, он тоже припустил к своему дому...

Он схватил в кухне ломоть пирога, залез на печь и притаился. Мимоходом смолот этот пирог и стал ждать. Ждал, ждал, что будет дальше, и уснул. Совсем получилось нечаянно, даже сам не ожидал этого.

(Сон. Катька дразнится. Судьба Хомутова. Опять капуста! На реке.)

Миньке снилась солнечная речка и дегтярный завод. Минька удил рыбу прямиком с крыши завода. Он вытащил окуня, хотел показать Стасику, но пришла бабка Ключиха, чтобы настегать обоих то ли вицей, то ли крапивой. Минька забрался на крышу и почему-то оказался уже не в лесу, а в деревне. Он взмахнул руками и полетел над полем. Ах, как приятно, как хорошо лететь над полем! Потом ему снились коровы и луг, а на лугу ходил учитель по труду и природоведению Сергей Михайлович. Он поставил в траве колышек и сказал: «Тут будет пионерлагерь». Минька только хотел забить свой колышек, как вдруг проснулся. Даже зло взяло, что не успел.

Он слез с печки и обрадовался: вчерашнее приключение кончилось благополучно. Мать ушла на ферму в соседнюю деревню. На столе стояла жареная картошка и стакан молока.

Солнце светило в окна ярко и жарко. Минька вычистил зубы, помылся у раковины, быстро позавтракал и побежал к Стасику.

Такой был солнечный и прекрасный день! Ни оводов, ни мух, потому что дул ветер. Коров пасли сегодня другие, речка синела под горой как новенькая. Иди, куда хочешь, только бы отыскать Стасика.

У Миньки даже дух захватило от всего этого. Он вспомнил, как летал во сне, и побежал к Стасикову дому так, что рубаха сзади надулась от ветра. Стоп! Остановка.

У крыльца на одной ноге прыгала Катька, сестра Стасика. Она прыгала и пела дразнилку:

Стася-карася,
Нога оторвалась;
Пошел косить,
Нога висит.

Катька была старше своего брата. Она заболела однажды простудой и год пропустила. Поэтому в пятом классе она училась вместе с Минькой и Стасиком.

Стася-карася,
Нога оторвалась.

Минька подошел ближе и спросил:

— Ты чего дразнишься?

— А тебе какое дело?

— Позови Стасика.

— А вот и не позову, вот и не позову. Стася-карася, нога оторвалась...

— У самой-то оторвалась. Где Стасик?

— Нигде, вот.

Тут Катька рассердила Миньку еще больше: она показала ему толстый красный язык.

— Рыжая! — не вытерпел он.

Катька уже думала, чем ответить Миньке, но быстро у нее ничего не придумалось, а тут-то как раз и появился Стасик.

Оба направились за амбары, подальше от Катьки.

— Ну? Была у тебя взбучка?— спросил Минька.

— Не-е!

— А про дом? Никому не сказал? Стасик помотал головой и произнес:

— Только папке.

— Козел!

— Я ведь немножко... сказал-то...

— Немножко! И немножко не надо было.— Минька стал думать.— Знаешь чего?

— Чего...

Катька высунулась из-за угла. Она хотела подслушать, что говорили мальчики. Минька отвернулся.

Наконец-то она убежала!

Минька задумчиво наблюдал за облаками. Они медленно двигались по синему небу. В траве гудели шмели.

— Пойдем на завод?

— Ура! — закричал Стасик.

— Тише! Вон опять высунулась. Катька, ты русские слова понимаешь?

Катька запела «Стасю-карасю» и убежала опять.

— Побожись, что реветь не будешь, — сказал Минька. Стасик побожился, но вдруг вздохнул:

— Искать будут...

— Не будут. Пусть думают, что мы в пионерлагере. Помнишь. Сергей Михайлович приходил? Чай пил у Лилиной матери.

— Ну?

— Пусть он за нами приходил. Записывать на вторую смену.

— Ух, Миня! А обедать как?

— Ухи наудим.

— Хлеба с собой возьмем.

— А картошки? Вон сколько осталось в яме! Наберем рюкзак — и айда.

— Давай еще Хомутова, — предложил Стасик.

— Давай. Пошли к Хомутову.

У Миньки хоть был отец, он жил в леспромхозе и присылал деньги. У Хомутова и такого не было. Да и мать Хомутова жила где-то далеко-далеко и сюда не ездила. Его с грудного возраста воспитывала бабка Клювиха. Как : привезли маленького, так больше и не увозили. Теперь Хомутов вырос, и бабка его часто ругала. За что? Она, может, и сама не знала. Правда, учился-то Хомутов неважно, его даже оставили на осень по русскому. Тут, конечно, он сам виноват. Но разве бабка за это его ругала?

Сегодня она опять не дала Хомутову поспать. Разбудила и велела полоть капусту. Хомутов поел простокваши, потом ему пришлось идти в огород. Бабка уже тут. Она надела на руку тонкую рукавицу и так полола капусту. Хомутов не захотел летом в рукавице, поэтому сразу обжегся крапивой.

Грядка была длиннющая. Стало жарко, и Хомутову захотелось купаться, еще больше хотелось ему к Миньке и Стасику.

— Баб, пусти купаться, — канючил он.

— Дело сделай да и бежи, — спокойно сказала бабка.

«Такую грядку и до вечера не прополешь», — подумалось Хомутову.

Он опять начал дергать сорную траву и бросать ее в борозду. Комочек сухой земли упал прямо под нос. Хомутов оглянулся. Минька и Стасик выглядывали из-за огорода и делали ему знаки.

— Опять вы, бусурманы? — сразу закричала Ключиха. — Сейчас уши-то надеру.

— Давай поможем, она его и отпустит, — шепнул Минька Стасику.

— Мы, бабушка, тоже будем! — крикнул Стасик. Ключиха разогнула горбатую спину. Она не ожидала такого оборота.

— Ладно уж... Я и сама выполю. Пусть бежит.

— Нет, мы сделаем! — Минька уже перелезал огород.

— Только рассаду-то не выдергивайте, — сказала бабка.

Она была очень довольна.

Минька разделил Хомутовскую грядку на три равные части и начал полоть с одного конца. Стасик и Хомутов — с другого. Они пололи капусту больше часа, наконец последняя крапивина полетела в борозду! Ровные капустные рядки зеленели на черной свежей земле. Бабка поглядела работу и похвалила:

— Вот добро. Экие молодцы! Ну, бегите, бегите...

Минька, Стасик и Хомутов припустили к речке.

Хомутов уже начал на ходу снимать штаны, но Минька остановился и сказал:

— Знаешь чего?

Хомутов ничего не знал.

— Пойдешь с нами жить? — спросил Минька, но Хомутов молчал, насупившись. Он вообще не любил говорить.

— Куда?

— В лес. На дегтярный завод.

— Ну, пойду, — сказал Хомутов.

— Побожись, что никому не скажешь!

— На поле-поляне, на высоком кургане огонь пышет, никто не слышит, слово-олово, честное пионерское, шилды-ковылды, пачики, мясные колачики...

Хомутов сбился, и Минька велел ему проговорить эту клятву еще раз. Только после этого все трое опять побежали к реке.

5

(Почему приходится врать? Первые неожиданности. Новоселье.)

Прежде чем прыгать в воду, Минька достал из кармана самописку и листок в клеточку. Положил листок на гладкий камень и начал записывать:

— Один топор. Уду.

— Ножик, — подсказал Стасик.

— Ножик,— записал Минька.— Картошка. Еще чего? Хлеба надо или пирогов. Стасик, у тебя рюкзак есть?

— Есть.

— Я свой возьму да ты свой. В один накладем картошки. А ты, Хомутов, чего возьмешь?

— Сумку.

— Давай, Стасик, неси рюкзак! Картошку сразу наложим. Только смотри, чтобы не увидели.

— Не. Я сейчас...

Стасик в одних трусах убежал домой. Минька и Хомутов отправились к ямам, где хранилась картошка. Ямы были сделаны на высоком пригорке, как раз у речки, стояли подряд. Минька нашел свою. Дверца сруба была не закрыта, ребята прошмыгнули в нее. Минька открыл люк и заглянул в темноту. Оттуда тянуло холодом, пахло землей. Прибежал с рюкзаком Стасик, и Минька по лесенке сразу же спустился в темный погреб. Он вздрогнул. Что-то холодное, живое и скользкое коснулось босой ноги. Минька отскочил:

— лягуха противная... Давай рюкзак! Стасик и Хомутов опустились в люк.

— Выбирай... которая не гнилая.

— Минь, а это чего? — испугался Стасик.

— Гнилушки горят.

— У-у! Красиво. А чего они горят?

— Не знаю.

Горело чуть ли не целое бревно. Просто полыхало бесшумным изумрудным огнем. Попробовали отколупнуть — не получилось.

— Ладно, придем после, — сказал Минька.

Втроем они быстро набрали рюкзак картошки. Выволокли наверх.

— Минь, а как? — забеспокоился Стасик.— Увидят ведь...

— Не увидят. Мы по одному, в поле. Проползем вдоль огорода, а после соберемся. У отворота, в кустах.

Только теперь Минька разрешил выкупаться.

Вода была не очень-то теплая. Особенно сначала. Минька нырнул и долго с открытыми глазами шел под водой. Солнце столбами пробиралось в речную глубь, в воде стебли лилий и другие водоросли казались очень толстыми.

— Уфф! — Минька вынырнул. — Где вы?

Стасик и Хомутов толкались в воде, стараясь спихнуть друг дружку в глубокое место.

— Вылезай! — приказал Минька. — Солнышко вон уж как поднялось.

Солнышко и впрямь воротило ближе к обеду, а тут у Хомутова набралось полное ухо воды. Минька и Стасик велели ему лечь на траву, взяли за ноги, приподняли и потрясли.

— Вылилась?

Хомутов молчал. Ему нельзя было говорить, так как он висел вниз головой. Но как только он встал на ноги, вода из уха вылилась.

— Теперь все.

Но у Стасика в ухе тоже оказалась вода. Пришлось трясти и этого.

— Не надо было уши-то раскрывать! — рассердился Минька.

Наконец все были одеты. Распределили, кому что принести, и назначили общий сбор в поле, за большим камнем. Минька строго-настрого наказал, чтобы не опаздывали и на глаза никому не показывались. Он потащил рюкзак с картошкой домой. Он никак не рассчитывал, что мать как раз окажется дома!

Увидев его с рюкзаком, она даже расцвела вся:

— Ой, Миня, молодец-то какой! У нас картошка-то как раз кончилась. Это чей мешок у тебя? Где взял?

Минька нехотя объяснил, что взял рюкзак у Стасика. А дальше опять приходилось врать. Больше всего в жизни Минька не любил врать, но что было делать? мать взяла у него рюкзак и сказала:

— Давай я картошку-то высыплю в большую корзину, а мешок ты унеси, отдай, у кого взял. Вдруг понадобится.

— Ладно,— буркнул в сердцах Минька. Мать высыпала из рюкзака все содержимое.

«Эх, плакала наша картошечка,— подумал Минька.— Хоть бы не всю высыпала».

Мать показала, где и что лежит из еды. Потом взяла грабли и ушла в огород шевелить сено.

Минька отрезал от буханки половину и поглядел на корзину с картохой.

«Штук десять можно,— подумал он,— а то и двадцать. Нет, лучше двадцать одну, по семь штук на каждого».

Он отсчитал двадцать одну картофелину и положил в рюкзак. Даже лучше! А то не хватило бы места хлебу. Он прихватил еще и свой пустой рюкзак, чтобы Стасик положил в него маленький топорик, пирог и лук.

Все было готово. Теперь бы незаметно пробраться в поле к большому камню. Стасик и Хомутов, может, уже ждут, а Минька не любил быть последним. Только бы Катька не увидела.

На улице — ни души. Один петух разгуливал по траве. Минька сиганул через канаву в поле. «Вперед, вперед, шагай смелее!» — про себя, мысленно, повторял он, хотя то и дело приходилось не шагать, а ползти по траве.

Он устал и вспотел. Добрался до камня, замаскировался в траве и вдруг увидел Хомутова и Стасика.

Оба спокойно во весь рост вышагивали по дороге и разговаривали громкими голосами. Один тащил топор и два пучка луку, другой сумку. Давно забыли общий уговор, идут на виду у всей деревни и хоть бы что. Минька громко зашептал: «Ложись!» Не слышат. Вот барбосы! Верь им после этого...

— Вы чего такие чин-чинистые?— вскочил Минька.— Уговор-то где?

— Мы ничего,— сказал Стасик и остановился. Хомутов тоже остановился и сказал:

— Мы ничего.

— Эх вы...

Минька так рассердился, что не спросил даже, что у Хомутова в сумке. Молча положили Стасикову поклажу и пошли. Все трое только пыхтели. Оводы налетали на них, кусались и лезли во все места. Даже в карманы. «Это еще что,— по-

думал Минька, когда обида прошла.— А каково коровам сейчас? И мерину. У них ни штанов, ни рубах, кусай сколько хочешь». Он вспомнил, как бабка Клювиха мазала свою корову дегтем, чтобы оводы меньше кусались. «Вот возьмем и нагоним дегтю,— думал Минька.— Помажем коров и мерина, сразу им станет легче».

Все сразу вспотели, в лесу было жарко, безветренно. Не доходя до завода метров двадцать, Минька поднял палец. Ребята затаили дыхание. Кто-то рассмеялся у речки на берегу. Или послышалось? Минька знаками велел Стасику и Хомутову залечь в траву за кустами. Сам начал подкрадываться к берегу. Он осторожно раздвинул кусты и даже глаза выпучил от удивления. На берегу стоял и крутил спиннинг учитель по труду Сергей Михайлович. Рядом на камне сидела и почему-то смеялась Лиля.

Что было делать? Сергей Михайлович крутил катушку спиннинга. Минька видел, как он выволок из омота целый пучок водорослей. Лиля опять рассмеялась. «Чего они тут? — подумал Минька.— Наверно, рыбу пришли ловить». Минька просто не знал, что делать. Но тут Сергей Михайлович сложил спиннинг. Он взял из травы Лилины босоножки и подал ей. Оба пошли. Вышли они на тропку, и у Миньки захолонуло под ложечкой. Шли-то они как раз туда, где лежали в траве Стасик и Хомутов! Минька так и съежился. Всё! Нет, прошли, ни одного не заметили. Минька подождал, пока они не ушли еще дальше, и подскочил к друзьям:

— Видели?

— Не-е, — шепотом сказал Стасик. — Я думал, медведь. Хомутов молчал.

— А кто это был? — спросил Стасик. — Может, лоси?

— Ладно, пошли, — сказал Минька и добавил: — На обед.

Когда открыли двери, разложили еду и все трое расселись за столом, Минька спросил Стасика:

— Стасик, а Лиля невеста?

— Не-е! Лиля газетница. Она почту носит.

— Знаю, что носит, — рассердился Минька и вытащил из кармана складной ножик.

Хомутов открыл свою сумку. Когда бабка узнала, что он идет в лагерь, она наложила ему целую кучу пирогов. Минька сказал:

— Поедим сначала немного. А вечером пировать.

— Ура! — закричал Стасик.

— Только надо приготовить, где спать.

— И воды принести.

— Дров наломать.

— Еще рыбы на суп! — сказал наконец и Хомутов, который все время молчал.

— На уху. Суп это когда мясо.

— Еще грибов наискать!

— Печь истопить, — добавил Стасик.

— А где туалет будет? — спросил Хомутов. И закипела у них работа...

(Катины заботы. Где же Стасик? Вечерние разговоры.)

Не зря Минька ее боялся! Она еще утром подсмотрела сначала Стасика, потом Хомутова. Когда Стасик взял у отца из сарайки маленький топорик, а из шкафа увеличительное стекло от изломанного проекционного фонаря, ей совсем стало невмоготу.

Куда они собирались?

Катька спряталась за крапиву и увидела, как Хомутов тоже убежал в поле. У него в руке была какая-то сумка.

«Это они картошку печь, — сразу догадалась она. — Только чего в сумку-то так много наложено?»

После обеда Катька попрыгала на одной ноге, поиграла в куклы, и тут ей опять стало очень скучно. «Пойду, пойду по дорожке и найду! — решила она. — Вот, все равно узнаю, чего они делают».

И Катька пошла. В поле было весело. А вот в лесу стало страшновато. Лес шумел. Со всех сторон Катьке слышались какие-то звуки и шорохи. Она чуть не плакала. Но все шла и шла. Сосны шумели. Какая-то большая птица так ее напугала, что Катька даже зажмурилась. Девочка старалась не думать про медведя, но чем больше старалась не думать, тем больше думалось. Дорога становилась все хуже. Все чаще попадались на пути коряги и лужи. Потом дорога вовсе куда-то пропала. Катьке стало страшно, везде была чащоба, лес зашумел еще сильнее. Вдруг она услышала хруст веток и увидела Лилю. Позади шел Сергей Михайлович.

— Катя! — удивилась Лиля. — Ты как тут оказалась?

— Смотри, заблудишься, — сказал Сергей Михайлович, подходя ближе. — По ягоды, что ли?

— По ягоды... — несмело сказала девочка. Она так обрадовалась, что забыла, куда и зачем ходила.

— Пойдем-ка обратно, — Лиля взяла Катьку за руку. — Больно далеко забрела.

В поле Сергей Михайлович почему-то остановился и сел на траву. Тут очень захотелось пить, и Катька поглядела на Лилю.

— Ну беги, беги, — сказала Лиля. — Только в лес одна не ходи.

Деревня была видна, и Катька побежала домой. Дома она выпила чуть не целый ковшик воды и опять захотела в лес, но вспомнила, что очень устала. Да и ноги чесались от лесной крапивы. Она взяла из шкафа чашку сметаны и помазала. Заодно полизала немножко. Ноги прошли. Тут Катьке вдруг захотелось конфет. Конфеты лежали в другом шкафу. Она подставила стул, достала одну подушечку и выскочила на крыльцо.

Небо синело над крышами. В поле кричали галки, а на изгороди сидел воробей. Он держал в клюве какие-то перышки, которые торчали в обе стороны. От этого воробей был похож на кота, только маленький.

Так незаметно прошел весь день, Катька очень устала. Она прилегла за шкафом, чтобы ждать мать либо отца. Ждала, ждала и незаметно закрыла глаза. Когда

пришли взрослые, ей почему-то не захотелось вставать. Катька слышала, как мама ставила самовар и доставала из шкафа чайную посуду, как разговаривала.

— А где наша Катерина?— спросил папа, когда вымыл у рукомойника руки.

— Уснула,— сказала мама,— давай не будем будить. Пусть спит.

«Ничего я не сплю! — сказала Катька сама себе.— Я просто так лежу». Тут она решила еще разок посмотреть воробья с перышками во рту. Она вышла на крыльцо, а на крыльце оказалось не крыльцо, а большая лестница, а внизу текла речка, и Катька полетела над этой речкой.

Ах, как хорошо было лететь над этой речкой! Она летела дальше и дальше, но в то же время слышала, что говорили взрослые. Папа спросил у мамы, почему нет дома Стасика, а мама сказала, что видела Клювиху. Клювиха говорила ей, что отправила Хомутова в пионерлагерь, что приходил учитель и всех троих, в том числе Стасика и Миньку, он увел в школу, где размещался летний пионерлагерь. «Неправда, неправда!» — закричала Катька, но голос у нее был такой тихий, как у комара. Ни папа, ни мама, ни мать Миньки, которая пришла искать Миньку, ничего не расслышали. Они продолжали разговаривать, но их голоса тоже становились все тише и все непонятнее.

Теперь Катька даже не летела и ничего не думала, так крепко она уснула за шкафом на деревянной кровати.

7

(Первый список. Без костра. Комариная ночь.)

Тем временем в лесу, на дегтярном заводе, Минька, Стасик и Хомутов тоже устали, да так, что решили сегодня не пировать. Уже садилось солнышко. Вернее, оно закатилось за сосны. Начали кусаться первые противные комары.

Минька объявил перерыв. Он огляделся вокруг, чтобы посмотреть, что сделано.

— Стасик, где у тебя тетрадка?

— В мешке.

— А ручка?

Стасик достал тетрадку, авторучку и стал ждать.

— Записывай, — сказал Минька, — мы с Хомутовым будем тебе диктовать.

Пришли. Число какое?

Все забыли, какое число, ни один не мог вспомнить.

— Ладно, поставим после. Пришли. Записал?

— Записал, — сказал Стасик.

— Теперь пусть Хомутов говорит.

— Поели, — сказал Хомутов.

— Принесли воды, — сказал Стасик.

— Дров.

— Удили рыбу.

— Сделали два веника.

— Подмели в избе.

— Разорвали штаны.

— Стой! — Минька остановил Стасика. — Про штаны в другой список.

— В какой?

— В особый. Что еще забыли?

— Не пировали и уху не варили, — тихо сказал Стасик. Он вздохнул и закрыл тетрадку. Минька вдруг вскочил и посмотрел на небо. Солнышко еще пробивалось сквозь ветки деревьев.

— Эх! А костер-то? Неси скорее увеличительное! Стасик бегом принес лупу.

Минька уже держал наготове сухую берестинку. Увы, солнышка в том месте, где хотели разжечь огонь, уже не было.

— Бежим! Забирай дрова и бежим! — Минька бросила на дальний конец поляны. Там еще светило солнышко. Он быстро навел на бересту фокус. На маленькое светлое пятнышко спокойно уселась какая-то жужелица.

— Зараза! — выругался Минька. — Ей почему не жарко?

Жужелицу прогнали и стали ждать. Но чем больше ждали, тем ниже садилось солнышко. Береста не загоралась. Она даже не задымилась. Минька в сердцах бросил ее в сторону.

— Все. Опоздали. Солнышко еле теплое. Совсем потухло.

— Теперь придется до завтра ждать, — сказал Стасик. — Эх мы, дураки! Надо было и спичек взять.

— Рыбы-то все равно нет на уху, — сказал Хомутов.

— Пошли, — приказал Минька.

— Куда?

— Поедим пирога — и спать.

Все трое еле брели от усталости. Солнце село. От реки начал подниматься туман. Стало прохладно. Комары налетели на мальчишек целой тучей. Ребята плотно закрыли дверь и заперлись на крючок. В сарае стало темно. Сели на нары. На нарах лежало прошлогоднее сено, натасканное от колхозного стога. Сено кусалось, комары тоже. Они, эти комары, проникали, наверное, в дверные и оконные щели.

Когда Стасик съел свою порцию, то спросил:

— Можно добавки?

— И мне, — сказал Хомутов.

Миньке тоже хотелось есть, и они разделили на троих еще один бабкин пирог.

— Минь, а правда, что раньше русалки жили в реке? — спросил Стасик. Минька не ответил. Он думал. Глаза у него закрывались от усталости, но он все равно думал. Вот что он думал: «Мы сидим в крепости. Три путешественника засели в крепости и ждут утра, а кругом непроходимый лес. Везде рыскают дикие звери. Одному кому-нибудь надо дежурить и охранять крепость».

В лесу громко закричала какая-то птица. Все трое вздрогнули.

— Минь, а Минь, — зашептал Стасик. — Ты слышал?

— Тише! Это филин летает.

— А чего он летает?

— Не знаю, — честно признался Минька.

— Наверно, нас ищет, — сказал Хомутов.

— Не ври! Так мы ему и нужны.

В темном окошке бесшумно сверкнул отблеск дальней зарницы. Ветер прошумел по лесу. И снова все затихло. Минька долго прислушивался к ночной тишине. Стасик лежал в середине, Хомутов у стены, и оба, наверное, уже спали. Зазвенел комар, причем около самого носа. Минька шлепнул, но не поймал. Птица опять закричала, но ее крик показался Миньке далеким-далеким. Минька вспомнил, что все трое легли, не снимая ботинок и курточек. Очнуться, чтобы поправить дело, он не сумел. Ребята уснули.

* * *

Под утро стало совсем холодно, а комаров набралось штук сто, а может, и двести. Все они летали, кидались на голые места, кусались. Минька то и дело ворочался, но утром заснул очень крепко. Он пробудился от яркого тонкого солнечного луча, который бил в дырку под крышей. Минька вскочил. За стеной в лесу оглушительно, на все лады пели птицы. Куковала кукушка, свистели синицы, верещали дрозды. Пищали, высвистывали, стрекотали и щелкали другие, еще неизвестные Миньке птички, но всех сильнее пела у реки соловьяха. Она перекликалась с соловьем, оба то щелкали, то чмокали и журчали своими громкими голосами.

«Стасик, Хомутов!» — хотел крикнуть Минька и не крикнул, потому что рядом лежал и сладко спал только один Стасик. Хомутова у стенки не было. Минька быстро распахнул ворота и разбудил Стасика:

— Эх, Стасик! Опять у нас беда.

Стасик спросонья только моргал, ничего не понимая:

— Может, пописать ушел?

Начали хором кричать, звать Хомутова. Но он не отзывался.

— Да, а сумки-то нету, убежал.

— Эх, а еще клятву давал! — сказал охрипший Стасик. — Предатель этот Хомутов.

Минька тоже чуть не плакал от обиды.

8

(Побег. Бабка сердится. Домашнее чаепитие. Катька идет следом за Хомутовым.)

Предатель Хомутов в это время выбегал уже в поле. Он так запыхался, что еле перевел дух. «Теперь-то не заблужусь, — мелькнуло у него в голове. — Вон уже деревню видать».

И правда, далеко за кустами и полем виднелась деревня. В деревне был дом, а в доме бабка, она хоть и ругала Хомутова, но была все-таки своя. Ночевать дома было совсем нестрашно. Он припустил к деревне изо всех сил. Хозяйственная сумка хотя и была уже пустая, мешала ему. Солнце поднялось снова высоко. Опять начали летать оводы, но Хомутов ничего не замечал. Он рвался домой, в

деревню. У околицы он совсем выдохся и пошел тише. Пот катился по вискам и по шее прямо за шиворот. Воздуха не хватало. Хомутов подошел к дому. На воротах висел большой железный замок. Бабка ушла в магазин и закрыла дом на замок. Конечно, можно было пролезть через хлев или кошачью дырку в погребе, но Хомутов боялся запачкаться. Штаны и так были разорваны! Еще со вчерашнего. Поэтому он сел на крыльцо и стал ждать бабку. Но бабка долго не приходила. Зато совсем рядом крутилась Катька, сестра Стасика. Она давно заметила Хомутова и, прыгая на одной ноге, то и дело поглядывала в его сторону. Хомутов спрятался от нее в палисаде. А тут как раз и пришла бабка из магазина. Она увидела на крыльце хозяйственную сумку и сразу поняла, что Хомутов дома.

— Ну-ко вылезай, вылезай,— сказала она, открывая ворота.— Куда спрятался-то? Ну-ко иди сюда-то, иди.

Хомутов вышел из палисада. Вид у него был совсем плохой.

— Ох ты, невытая рожа! — сразу начала бабка Клювиха. — Ох ты неслух, безотцовщина! Ну-ко докладывай. Убежал из пионерского лагеря-то? Ты пошто убежал-то?

Хомутов молча стоял перед бабкой, ковыряя дерн носком ботинка. Хорошо еще, что бабка не видела разорванную штанину.

— Ну-ко марш к умывальнику! — ругалась бабка.— Вымой харю-то да садись за стол. Чаю попьешь да и обратно. Это где распазгал штанину-то? Ох бес, как на огне одежда горит. Ну-ко скидывай, кому говорят!

Хомутов медленно снял штаны. Оставшись в одних трусах, он следил за бабкой: будет или нет драть крапивой? Бабка только больно шлепнула его, взяла штаны и пошла зашивать.

Хомутов помылся, пока она зашивала. Потом оделся. Бабка поставила сперва самовар, потом пообедали.

— Худо там, что ли, кормят-то? — спросила бабка. — Ну-ко, батюшко, бежи, бежи обратно. Разве можно без спросу домой бегать? Я вот тебе пряников да пирожка в сумку, ты и бежи. Да слушайся там, учителя-то, не балуй много-то.

Хомутов захныкал. Тогда бабка надела рукавицу и пошла рвать крапиву. Хомутов схватил сумку с пирогом и магазинными пряниками. Не успела бабка нарвать крапивы, как он был уже на улице.

— Больше до срока не убегай,— кричала она.— Убежишь, так и знай, крапивой задницу выстегаю! Да наставников слушайся!

Хомутов нехотя побрел за околицу.

* * *

Катька видела, как он перелез огород, вышел на большую дорогу и потом исчез. «Куда он пошел? — гадала Катька.— Если в пионерлагерь, то она тоже туда». И Катька пошла следом за Хомутовым. Он не оглядывался и заметил ее только у самого леса, когда прошли большое жаркое поле. Хомутов увидел Катьку и погрозил ей кулаком, чтобы она поворачивала обратно. Но Катька не хотела обратно. Она издали показала Хомутову язык и пошла за ним дальше. Он скрылся в

лесу. Катька припустила по тропке что было духу. Бежала она легко, потому что была босиком и без всякой поклажи. У развилки дороги, когда начался большой лес, Хомутов опять мелькнул за деревом и опять пропал. Катька все же успела заметить, куда он свернул.

«Эта дорога не в школу,— подумала Катька.— В школу дорога правая, а это левая. Куда же пошел Хомутов?» Она долго шла одна. Опять, как и вчера, над головой жутко шумели сосны, кричал дятел. Девочка остановилась, не зная, что делать. Лес шумел и темнел вокруг. Тропка, огибая большую мокрую яму, совсем почти исчезла. Катька струсила и решила бежать обратно. Она вздумала обойти болотистую низину с другой стороны и потеряла, тропу. Испуганно бросилась назад, но тропы не было. Не было ее и там, где Катька только что проходила. Девочка совсем растерялась и пошла напрямую. Но везде торчали коряги, острые сучки и валялись сосновые шишки. Катькины ноги были уже до крови расцарапаны, хотя она и не замечала этого. Она все шла к дороге, а дорога пряталась от нее, и везде стоял и шумел лес. Даже красная земляника, которая то и дело попадалась в траве, не могла отвлечь Катьку от жуткой тревоги. Девочка долго пролезала через какой-то совсем непроходимый чапыжник. Она ободрала и щеку, и руку, выбилась из сил. А когда выбралась из чапыжника, то присела и в ужасе огляделась вокруг себя. Лес шумел.

— Мама! — сквозь слезы закричала она.

Но ей никто не ответил. Только лес зашумел еще сильнее и тревожней.

9

(Плохое и хорошее. Рыбалка. Дозор. Встреча.)

Минька даже ни разу ни словечка не сказал о доме! Стасик чувствовал, что ему тоже не стоит об этом говорить. Они оба целое утро трудились не покладая рук, но все равно настроение было плохое. Стасик мысленно перечислял неприятности. Во-первых, он вспоминал холодную комариную ночь, проведенную на прошлогоднем сене. Замерзли под утро так, что оба с Минькой дрожали. Во-вторых, убежал Хомутов. В-третьих, еды осталось совсем мало, да и та покамест в сыром виде, не сварена. В-четвертых...

Стасик не успел додумать, что было еще неприятное. Поплавок дернулся и с головой окунулся в воду. Стасик дернул, леска натянулась, а удилице даже выгнулось. Он вытащил из реки большую тяжелую рыбину. Она улетела далеко позади на берег. Минька и Стасик бросились к ней.

— Отцепляй! Держи!

— Я как дерну, как дерну...

Оказался окунь. Настроение сразу улучшилось. Стасик забыл про дом. Оба с Минькой вновь закинули удочки. Теперь Стасик начал вспоминать, что у них было хорошее. Во-первых, рыба начала клевать. Во-вторых, костер горел вовсю напротив завода. Они разожгли его лупой, как только поднялось повыше солнышко. В-третьих, Минька выдвинул предложение. Предложение было такое. Надо вычистить два глиняных куба, вмазанных в кирпичную печь, и разжечь под

ними две топки. Кубы нагреются, и в них можно спать ночью, чтоб не замерзнуть. В-четвертых, днем-то в лесу совсем и не страшно, даже наоборот — весело. В-пятых, попевает уже земляника...

— Ага! — не выдержал Минька, вытаскивая такого же окуня. — Попался, который кусался!

Через полчаса имелось уже шесть окуней и четыре сорожки. Можно было начинать варить уху. Они так и сделали. Принесли воды в котелке, начистили картошки и нарезали луку. Вымыли картоху и опять принесли воды. Минька сам выпотрошил рыбу ножиком. Стасик отколол топором кусочек соли от гладкого соляного камня, облизанного коровами. Эту соляную глыбу по очереди тащили вчера из поля.

— Минь, бросать? — спросил Стасик, показывая соляной осколок.

— Не! — Минька протирал глаза. Дым от костра был очень едким. — Надо знать, сколько.

Он снял свою майку, завернул в нее соляной остаток, положил на камень и начал колотить по нему обухом топора. Вскоре осколок превратился в мелкую соль. Минька высыпал в бумажку. Уху посолили. Пока она варилась, Минька забрался на крышу и зорко оглядел лесные окрестности.

— Деревню видно? — спросил Стасик снизу.

— Не-е, — Минька глядел вокруг, как пограничник. — Поле немножко, да еще реку. Тише, Стасик! Кто-то по тропке идет...

— Сюда?

— Ыгы...

Минька по закоулкам быстро спустился вниз.

— Ты ложись с той стороны, а я с этой.

Ребята залегли в траву по обе стороны тропки. Они затаили дыхание. Кто-то приближался по лесу. Это был Хомутов. Одной рукой он тащил сумку, другой смахивал с потного лица слепней и оводов.

— Стой! Ни с места! — заорал Минька.

— Стой! — крикнул и Стасик.

Хомутов сначала даже присел от страха, но когда вспомнил, что это Минька и Стасик, опомнился.

Стасик встал из травы и первый подошел ближе. Долго стояли и ничего не говорили.

— Ты почему убежал? — спросил наконец Стасик. Хомутов молчал, потупившись. Он слышал, как с другой стороны подходил к нему Минька.

— Ну. Говори! — Минька приступил ближе. — Тебя ведь спрашивают.

Хомутов молчал. Молчали все трое. Было на поляне тихо, одна осина шелестела своими жесткими листьями. Минька сделал шаг, грозно приблизившись к Хомутову. Стасик тоже.

Хомутов молчал. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы из лесу не долетел до ребят какой-то странный звук. Ветер вздохнул над ними и заглушил этот звук. Минька прислушался, дожидаясь, когда уляжется ветер. И вдруг все трое отчетливо услышали, как кто-то плачет в лесу.

— Может, филин? — сказал перепуганный Стасик.

— Сам ты филин! — прошептал Минька и снова прислушался.

— Это Катька, наверно! — радостно сказал Хомутов.

Не сговаривась, заорали:

— Катька! Катька! Катька!

— Давай все сразу, — предложил Стасик.

Трижды хором позвали Катьку. Плач прекратился.

— Бежим искать! — приказал Минька.

— А это куда? — Хомутов показал сумку с пряниками и бабкиными пирогами.

— Оставь тут, после возьмем.

Счастливый Хомутов положил сумку в траву и первый бросился в самую чащу...

* * *

Катька услышала ребячий крик, и ей сразу стало легко, весело, хотя слезы еще не обсохли на щеках. Она, забыв про усталость, пошла по лесу в ту сторону, откуда звали ее. «Катька!» — услышала она вновь. Ей нужно было откликнуться и ждать на одном месте, а она не догадалась это сделать. И все торопливо шла по лесу. Крики ребят слышались в другой стороне и наконец вовсе пропали.

Катька оглянулась, опять хотела было заплакать, но вдруг увидела доску, прикрепленную к дереву. На доске углем и мелом была нарисована большая указательная стрела и надпись печатными буквами: туалет!

Слева открывался просвет и виднелась поляна. Катька подошла к указателю, поплевала и начала стирать с доски лишнюю букву «т». Буква не стиралась. Тогда Катька увидела под сосной черный уголь от головешки. Этим углем она зачеркнула лишнюю «т», а снизу двумя черточками подчеркнула ошибку. Потом она вышла из лесу. На большой зеленой поляне она увидела старый сарай с трубой и окошком. Напротив сарая горел почти потухающий костер. Над костром на жердочке висел котелок, из котелка торчал хвост окуня.

«Вот они где живут, — подумала Катька, на цыпочках подходя к воротам. — А сказали, что в пионерлагере». Она с трудом открыла тяжелые скрипучие двери и очень внимательно осмотрела внутри. Ей там совсем не понравилось. Уж очень было темно! На стенах и на потолке висела паутина. Один стол, изрезанный ножиками, был почище. На стене висело старое решето. С потолка свисали какие-то веревки, к веревкам были привязаны деревянные площадочки. Одна площадочка с гирей лежала на полу, другая болталась в воздухе. Катька, держась за веревки, залезла на нее, чтобы покачаться. И вдруг поехала вниз. Зато вторая площадочка, которая была с гирей, поехала вверх.

Очень все это было интересно! Катька покачалась так: вниз-вверх, вниз-вверх. Потом слезла с качалки и опять побежала к костру. Поправила головешки. Уха начала кипеть. «Надо ее посолить, — подумала Катька. — Где у них соль?» Она увидела бумажку с солью и высыпала остатки в уху. Довольная, присела у костра на травке. «Теперь они придут, а уха готовая, — подумала Катька. — Вот только чем есть? Ложек-то нет...»

Из лесу послышался треск сучьев, девочка испуганно оглянулась. На поляну один за другим выходили Минька, Стасик и Хомутов.

— Вот она, вот! — крикнул Хомутов, который первый заметил Катьку.

Минька и Стасик тоже подошли ближе.

— Ты почему не откликаешься? — спросил Минька.— Вон из-за тебя сами в лесу заблудились.

Наступило молчание.

— А я уху доварила,— сказала вдруг Катька.— Вы тут чего делаете?

— Мы тут живем,— сказал Стасик,— а ты домой иди. Поняла?

— Я тоже хочу с вами.

Стасик поглядел на Миньку. Минька думал. Потом он оглянулся вокруг.

— А ты никому не скажешь? Катька потрясла головой:

— Ну, никому-никомушеньки.

Минька посмотрел на Хомутова и Стасика.

— Тогда пусть клятву дает,— сказал Хомутов.

Катька одним махом, с одной только передышкой, проговорила клятву. Все закричали «ура», и Хомутов побежал искать сумку с пряниками.

10

(Как пробовали уху. Существительное женского рода от слова «хомут». Упражнение йогов.)

Сумка лежала на боку, и он сразу почувствовал неладное. В чем дело? Почему пряники валяются? А пирога вообще не было, одни крошки.

— Идите сюда! — закричал Хомутов. — Украли пирог! Все прибежали на место происшествия. Пирог не нашли.

— Может, это кот? — сказала Катька.

— Коты в лесу не живут, — сказал Стасик. — Это мыши. Или крот.

— А может, заяц?

— А может, волк или медведь?

—

Наверно,

лиса.

Ребята так и не могли решить, какой зверь слопал хомутовский пирог. Минька собрал остатки в одно место и предложил по очереди караулить вора.

— Минь, а когда обедать?

— Пошли!

— Айда!

— Ух!

Притащили старое сухое дерево, чтобы сидеть.

— А чем хлебать-то?

Ложка оказалась только одна, в рюкзаке Стасика. Разделили на четыре части большой кусок хлеба. Решили хлебать уху по очереди. Стасик зачерпнул, подул и хлебнул. Поморщился.

— Теперь ты, Минька!

— Нет, Стаска, давай сразу каждый по десять ложек. А если останется, то еще по десять.

Но Стасик молчал.

— Ты чего не хлебаешь?— спросил Минька.

— Не хочу.

Минька сердито подал ложку Хомутову. Тот хлебнул и отдал ложку обратно Миньке.

— Пусть Катька ест! — вконец разозлился Минька.— Сидите тогда голодные.

Минька подал ложку Катьке, сам посмотрел на Хомутова:

— Почему не хлебаешь?

— У меня зуб,— сказал Хомутов и потупился.

— Хомут! — заорал Минька.— Погрел бы во рту горячей ухой, вот и зуб перестал бы. Эх ты, хомут!

— Я... я тоже хомут,— задумчиво сказал Стасик.

— И я хомут,— проговорила Катька.

— Хомутка,— поправил Стасик.

— Хомутиха.

— Нет, хомутовка!

— Спорим?

Минька и Стасик заспорили с Катькой, как правильно. Вдруг все сразу стихли и поглядели направо. Хомутов сидел не шевелясь на бревне и шмыгал носом. Слезы одна за другой подсыхали на грязной шее.

— Ладно,— смутился Минька.— Ты чего? Я ведь не нарочно.

— И я! И мы! — обрадовался Стасик.— Мы тоже! Знаешь чего?

— Вот на-ко утрись,— Катька, как большая, подала Хомутову свой носовой платочек. Хомутов всхлипнул и заморгал мокрыми ресницами. Широкая ясная улыбка осветила его заплаканное лицо, когда Катька сама вытерла ему сначала одну, потом другую щеку.

— А уха-то? — Минька хлебнул полную ложку и так сморщился, что один глаз у него совсем закрылся.

— Вот, понял теперь?— засмеялся и захлопал Стасик.— Понял, Миня, какая уха-то?

Все тоже хлопали и смеялись, и смеялись, и чуть не упали с бревна, на котором сидели.

— А кто солил-то?— спросил Минька, когда перевел дух.

Оказалось, что солили понемножку, но все.

Минька вылил уху в траву и разделил картошку с рыбой. Потом вскипятили воду, заварили листья смородины и долго пили чай с Хомутовскими пряниками. Минька увидел, как у Стасика шевелились уши, когда он жевал пряник. Решил тоже так научиться. Через минуту все четверо сидели в ряд на бревешке и старательно учились двигать ушами.

— Шевелятся?— спросил Минька Стасика.

— Не,— посмотрел и сказал Стасик.— А у меня?

— А у меня?

— А вот я уже научилась! — сказала Катька.— Вот, глядите, я научилась. Все посмотрели на Катьку. Но ни одно ухо у нее не сдвинулось! У нее шевелились брови, нос, рот. Катька помогала даже плечами, но уши не шелохнулись.

— Минь? А зачем надо уметь? — спросил Стасик. Ушами-то?

Минька подумал и сказал:

— Упражнение йогов.

Все вновь старательно продолжили тренировку.

11

(Кочегары. Катька ревет. Три способа добывать веснушки.)

Такой долгий, интересный и солнечный был этот день! Успели сделать все. Катька насобирала целую кружку земляники, Хомутов наломал дополнительных дров, а Стасик наудил рыбы. Минька же все это время был кочегаром. Он обследовал всю большущую печь, у которой внизу имелось три топки. Над каждой топкой виднелось по большой круглой дыре. Это туда закладывали бересту, закрывали ее железной заслонкой, а все щели плотно замазывали глиной. «Круглые, а называются кубы,— с недоумением подумал Минька.— Ох и грязищи, наверно, там!»

Он проверил один куб. Не очень-то там было чисто! А что лучше, тепло и грязно или холодно и чисто? Минька не стал отвечать на этот вопрос. Он решил вычистить куб. Вытащил оттуда остатки сморщенной черной бересты и велел Хомутову наломать свежий веник. Стасик тоже явился с речки, втроем они быстро вычистили все три глиняных куба. Теперь можно было разводить огонь в топках.

Натаскали дров. Хомутов быстрее всех разжег свою топку. Самым последним оказался Стасик.

Наконец разгорелись дрова во всех трех печках. Дым повалил из трубы. Поглядев издали, можно было подумать, что дегтярный завод пущен на полный ход. «А что?— подумал Минька.— Вот возьмем нагоним дегтю. Вон сколько бересты зря валяется». Он поделился этой мыслью со Стасиком, Стасик с Хомутовым. Мысль была такая заманчивая, что даже помыться в речке забыли. Катька увидела таких грязнуль и присела. Так ей стало смешно.

— А ты рыжая! — разозлился ее брат Стасик.

— Рыжая, рыжая! — поддержал Стасика Хомутов. — Вся в веснушках, пегая.

Что правда, то правда. Катька была такая веснушчатая, что даже сама себя не любила. Хомутов твердил все одно и то же, что она и сама знала. Уставился как дурачок. Она вначале затихла и задумалась. Потом ушла за угол. Потом стала реветь. Ей было так обидно, что она ревела сначала тихо, но потом начала все громче. И наконец Катька разревелась что было сил.

Все три дегтяря давно перестали дразнить ее веснушками, а она ревела на весь лес и никак не могла остановиться:

— У-у-у! — то и дело раздавалось в лесу.— Ы-ы-ы-у!

— Катька, ты чего? — испугался Стасик. Хомутов тоже виновато перетаптывался рядом.

Катька ревела.

Минька думал, что делать. Слушать Катькин рев, да еще в лесу, было не особенно приятно, и поэтому Минька думал. Вдруг он позвал Стасика и сказал:

— Тащи решето, которое на гвоздике!

Стасик быстро принес решето.

— Вот! — Минька сел на траву. — Буду через решето загорать. Чтобы веснушки...

— И я тоже хочу веснушек, — заявил Стасик.

— И я, — сказал Хомутов.

Минька подумал, косясь на Катьку. Она как будто начала тише реветь.

— Бросим жребий, — сказал Минька. — Кому первому загорать.

Теперь Катька уже не ревела, а просто хныкала. Мальчишки тихо совещались о чем-то между собой. Вдруг Катька увидела, как Хомутов лег на траву лицом к солнышку. Минька положил решето прямо ему на лицо и сказал:

— Только не шевелись! А то не получится.

Катька совсем перестала плакать. Хомутов терпеливо лежал под решетом, но солнышко уже садилось.

«Наверно, мало жару, — озабоченно думал Минька. — Лучше завтра...»

— Знаешь чего? — вдруг обернулся Минька к Стасику. — Давай увеличительное стекло. Попробуем по одной.

Итак, Хомутов загорал через решето, чтобы получить веснушки все сразу, а Стасик и Минька по очереди наставляли фокус увеличительного стекла на щеки друг другу, пытаясь делать веснушки. Стасик вдруг подпрыгнул:

— Ух! Жжется! — он потер щеку. — Нет, Миня, лучше не будем.

— А я знаю как! — подошла к ним Катька.

— Как?

— Надо коричневый карандаш. Нет, лучше желтый.

— Смоются. Все задумались.

Один Хомутов ничего не думал. Он давно сладко спал под решетом и только посапывал. Веснушки явно не получались, но воздух-то очень хорошо проходил в дырочки решета. Туда и сюда.

— Эх, опять уснул, — сказал Стасик. — Даже комаров не боится.

Все-таки комары, а может быть разговоры, пробудили спящего Хомутова, все побежали в завод, надо было подумать о еде и ночлеге. Но Катька сначала послала всех умыться в речке.

(Пир. Стасик в беде. Баба-яга заглядывает в окно. Гроза. Тревога в деревне.)

После ужина Хомутов спросил:

— А когда пировать будем?

— Забыли, — сказал Минька. — Давай сейчас, еще успеем.

Под Катькиным руководством быстро принесли воды, вымыли стол и застелили его газетой. Минька рассадил всех вокруг стола и сказал:

— Кто потчевать будет?

— Ты, — сказал Стасик.

— Нет, пускай лучше Катька.

Катька начала потчевать гостей. Она потчевала их пирогами, студнем, вином и крошкой. Потом опять пирогами. Потом опять вином. Пустая бутылка изображала горячий самовар.

— Кушайте, гости, не брезгуйте, — тонким голоском угощала Катька.

Вскоре Минька закатил глаза и запел: «Не упрекай несправедливо», а Стасик начал качаться из стороны в сторону, а Хомутов начал изображать играющего гармониста. Все трое орали кто во что горазд, а Катька каждого успокаивала. Веселый же был денек!

Пировать вскоре надоело, и Катька убрала со стола. Минька сделал из бумаги очки, взял вместо указки ольховый пруток и провел то ли беседу, то ли лекцию. Потом играли в магазин, и главным продавцом опять была Катька, после чего начали по очереди взвешиваться на веревочных весах.

Стасик оказался тяжелее всех. Пришла ночь. Топки в печи давно потухли, только какая-то головня все еще дымила. Минька распорядился, чтобы Катьке постлали на топчане, а сам задом полез ночевать в глиняный куб. Куб и правда слегка нагрелся. В нем было удобно лежать, хотя и не очень чисто. Хомутову в куб помог забраться Стасик, а Стасику Катька. Ну и ошибку же сделал Стасик! Он залез в куб не задом, как надо было, а головой вперед. Развернуться же в кубе места не хватило, и Стасик перепугался и закричал. Ему показалось, что теперь ему вообще не вылезти из этой глиняной душегубки.

— Миня!—кричал Стасик.— Минюшка-а-а! Выручи! Пожалуйста...

Минька по пояс вылез, опустил на руки, стал вытаскивать ноги и больно упал. Но ему было не до этого. Стасик кричал из куба. Минька и Катька потащили его за ноги и выволокли. Только после этого Стасик успокоился.

— Опять полезешь?— спросил Хомутов, выглядывая из круглой глиняной дыры.

— Ага,— сказал Стасик.— Там хорошо.

Он полез, но полез опять головой, а надо было задом, и вот было смеху! Никак Стасик не мог научиться залезать головой назад! Пришлось Миньке показывать, как это делается. Наконец все улеглись на свои места, и Катька тоже, только сперва закрыла двери на большой старинный крючок. Июньская ночь была светлая. Но вдали глухо и тревожно загремел гром. Отблеск далекой молнии промелькнул в окне. Тут-то и случилось что-то жуткое и непонятное. Катька уже начала засыпать, когда вдруг за окном послышался шорох. Катька сразу проснулась. Окошечко было ветхое, стекло в раме еле держалось. Катька почувствовала, что кто-то стоит за окном, и вся замерла. Вдруг все окно заслонила чья-то тень, и девочка увидела, как кто-то страшный глядит в окно. Лицо было жуткое, как у бабы-яги, Катька завизжала от страха. Хомутов еще не спал, наверное, выпался, когда загорал под решетом. Минька и Стасик спали. Если бы Хомутов тоже не

видел, как кто-то заглядывал в окно, Минька ни за что бы не поверил Катьке. Она все еще дрожала от страха.

— Это мерин, наверно. Рыжко.

— Или корова, — успокаивал Стасик сестру.

— Конечно, мерин, — сказал Минька и вылез из куба.— Пойдем, сейчас поглядим.

— Ой, не открывай! — снова заплакала Катька. Да и Стасик и Хомутов были за то, чтобы двери не открывать и никуда не ходить.

Гроза шла над темным лесом, все ближе и ближе. Гром гремел уже над самою крышей, он то бросался далеко в сторону, то опять возвращался обратно. Было страшно, когда он трещал совсем рядом, еще жутче сверкала зеленая молния. Когда она сверкала, то в сарае освещались даже самые темные углы, и Катька закрывала глаза от страха.

Наконец разразилась над ними настоящая буря. Ветер с грохотом сорвал с крыши несколько тесин. Полил дождь, гром трещал оглушительно и непрерывно. Шум леса, дождя и ветра слышался в темноте, когда гром затихал, но гром почти не стихал и носился над землей непрерывно, так же, не переставая, светили молнии. Они сливались в одну сплошную, и все шумело, гремело, сверкало вокруг. Ребята, испуганные, притихли.

Гроза долго не могла успокоиться. Она наконец начала сбавлять свой шум и грохот, дождь и ветер понемногу стихали. Гром уходил все дальше и дальше. Под этот уходящий и стихающий гром, измучившись, все четверо не заметили, как уснули.

* * *

Бабка Клювиха ходила в тот день в лес за черникой и, услышав далекий гром, вздумала идти напрямую, без дороги. Она заплуталась и вышла совсем не туда, куда ей было надо. Она вышла к старому дегтярному заводу. Клювиха всегда боялась этого места, да и гроза приближалась все быстрее. Но кто в деревне был самый любопытный? Конечно, она, бабка Клювиха! Ей показалось, что костер на поляне около завода был свежий.

«Кто это тут? — испуганно подумала она. — Пастух не гоняет сюда коров, рыбаков в деревне нету». Страх напал на бабку. А вдруг это беженцы или какие шпиёны, или, может быть, вовсе нечистая сила. Гроза уже шла совсем рядом.

Бабкино любопытство росло вместе со страхом, и она подошла поближе к заводу.

И она сразу поняла, что дело неладно. Пахло дымом. Бабка набралась смелости и заглянула в окно. Она еле не закричала от страха. В одной из трех топок тлели угли. Из среднего куба на Клювиху глядела черная и лохматая рожа, из второго куба свесилась чья-то рука. В третьем кубе тоже кто-то зашевелился, зашевелилось и на топчане под окном.

Бабка Клювиха, даже не охнув, отскочила от окна, хотя ноги у нее подкосились от страха. Потом она побежала по лесу. Гроза настигала бабку, а бабка бежала из лесу, не помня себя. Она вся промокла, вся перепугалась, но не просыпала из корзины ни одной ягодки.

В тот же вечер, когда гроза стихла, вся деревня узнала, что в лесу на дегтярном заводе живут то ли беженцы, то ли какие-то разбойники. Бабка Клювиха рассказывала, что видела даже ружье в руках у одного, и требовала от бригадира (Стасикова отца), чтобы тот срочно вызвал милицию.

Решили отложить это дело до утра.

13

(Утро. Как зовут Костыля? Переполох.)

— Ах, вот это кто! — воскликнула Катька, открывая двери. — Ты почему ночью в окна заглядываешь?

Катька была счастлива и довольна. Вчерашние страхи исчезли. Стояло тихое солнечное утро. Пели птицы. Цветы цвели там и тут, около сарая, где ночевали ребята. Мерин Рыжко глядел на Катьку своим большим глазом. Он прижал сначала одно ухо, потом второе, когда из дверей выкатился чумазый Минька. За ним вскоре появился такой же грязный брат Стасик и Николай Хомутов.

Катька не могла говорить от смеха, такие все были грязные! Катька смеялась. Мерин Рыжко глядел на все это и прядал ушами. Хвост у него махался в обе стороны, отгонял утренних комаров. «А вот мы дегтю нагоним, помажем его, — подумал Минька. — Все комары в сторону отлетят».

Катька смеялась.

Пришлось всем сразу идти к речке смывать сажу и копоть. Заодно Минька и Хомутов проверили удочки, поставленные на самолов, а Стасик принес воды в котелке.

— Ура! — закричали на берегу Минька с Хомутовым. — Есть!

Большая щука даже не успела охучаться, как оказалась на берегу. Она прыгла и била хвостом. Хомутов бросился на нее всем телом. Зубы у щуки бывают иногда острые, как бритва, того и гляди палец распорешь. Поэтому Минька схватил ее за шею, а Хомутов за хвост и потащили. Дорогой она так лягнула хвостом, что Хомутов выпустил ее, а потом и Минька. Щуку оставили в покое в траве и начали разжигать костер. Увидев вчерашнее решето, Хомутов посмотрел на солнышко, а Минька потрогал свой нос.

— Будем? — спросил Минька и поглядел на Катьку.

— Еще чего! — заругалась Катька. — Надо картошку чистить, надо мерина пасти.

— Мерин? — спросил Стасик. — Не мерин, а конь.

— Нет, лошадь.

— Жеребец! Во... — обрадовался Хомутов.

— Не ври!

Начали спорить, какая разница между мерином, жеребцом и конем, но Катька послала одного за щукой, другого за дровами, третьего за растопкой. Сама начала чистить картошку.

Так началось это новое утро летних каникул.

Уха нынче получилась на славу. Минька еще ни разу не ел такой ухи, да и все остальные ни разу. Рыжка угостили солью-лизунцом, он и сейчас лизал с удовольствием, спрятавшись в тень сарая.

— А что, ежели дегтю нагнать? — сказал вдруг Стасик.

Минька думал. Мысль о том, чтобы испробовать дегтярный завод, еще со вчерашнего не давала ему покоя.

— А ты знаешь как? Гонят-то? — спросила Катька.

— Не! Это дедушка Костыль знает, — сказал Хомутов.

И все вспомнили — дедушка Костыль действительно гнал деготь из бересты.

«Вот что, надо сходить к нему, — подумалось Миньке. — Узнать, как гонят деготь».

Он высказался об этом вслух, и все согласились, но вдруг снова получилась загвоздка.

— А как его зовут? — спросила Катька. — Костыль-то ведь прозвище...

Все замолчали. Никто не знал, как зовут дедушку Костыля.

— А мы у него спросим, — предложил Хомутов.

— Нет, лучше у кого-нибудь, — сказал Минька. Решили послать в деревню Миньку, но Минька потребовал себе в помощники Стасика.

Через два часа, после того как позавтракали, делегация из двух человек — Миньки и Стасика — отправилась в деревню к дедушке Костылю. Заодно надо было раздобыть хлеба, спичек, ложек и какую-нибудь посуду для питья.

— А что, если на Рыжке? — предложил Стасик.

— Точно! — обрадовался Минька. — Только вот узды-то нету...

В заводе оказалась старая веревка. Минька разрубил ее топором на несколько частей. Он сделал два кольца и связал их вместе одной большой веревкой. Получилась узда. Остаток веревки использовал на поводья.

Рыжко терпеливо ждал, пока ему делали эту узду. Такой был славный конь! Или мерин. Он даже наклонил свою большую голову, когда Минька начал его обрывать. Минька кой-как натащил веревочную узду на голову Рыжка, подвел его к углу и сам полез на угол, чтобы с угла перелезть на спину мерина. Рыжко подождал, пока Минька все это не проделал, и пошел.

— Тпру! — остановил Минька мерина. — Стасик еще! Стасика кой-как посадили Хомутов с Катькой.

И вот делегация тронулась из лесу в деревню.

Выехав в поле, ребята причалили к изгороди и слезли с лошади. Они отпустили Рыжка пастись, а сами тайно, по траве вдоль изгороди подкрались к дому дедушки Костыля.

Во дворе возился Евгений. Это был дедушкин внук в возрасте трех или четырех лет. Он приехал гостить к деду и сейчас возился с каким-то колесом.

— Дома дедушка? — спросил Минька, когда подошли к крыльцу. Евгений даже не посмотрел. Он оставил колесо и занялся другим делом. Он хотел сосать сразу две соски. Одну соску он даже не вынимал изо рта, другую, дополнительную, поминутно пытался вставить в рот. Наблюдая эти попытки, Минька не заметил, как появился дедушка.

— Что скажете, молодцы? Минька и Стасик молчали.

— А ты, Евгений, в крапиву не ползай,— обратился дедушка в другую сторону.— Крапива нонче вон какая кусачая.

Дедушка сел на крыльцо.

— Садитесь и вы, — сказал он. Минька сел. Стасик тоже. Все опять замолчали.

— Ну, так чего? — вновь заговорил дедушка.— Рыбу-то не ловите?

— Мы это... Щука...— начал было Стасик, но Минька так поглядел на него, что Стасик сразу опомнился и сказал: — Нет, не ловим.

— Дедушка, а тебя как зовут?— выпалил вдруг Минька.

— Да Костыль! — засмеялся старик.

— Не-е! Это прозвище,— сказал Минька.

— Костыль-то?

— Ыгы.

— Ну дак вот, меня зовут Иван. По отчеству Савельевич.

Дедушка вздохнул и погладил обоих по голове. Потом спросил:

— А нашто вам, молодцы, мое имя-отчество?

— Мы... мы хотели узнать...

— Чево узнать-то?

— Как деготь гонят,— сказал Стасик.

— Да как. Так и гонят. Из бересты. Набьют втугую, полный куб напихают. Бересты-то. Потом закроют, щелки глиной замажут, чтобы воздух не проходил. А снизу огонь разведут...

— И потечет?

— И потечет. Ну-ко вы за Евгением-то поглядите. Я сейчас...

Дедушка долго не приходил. Наконец он появился с большим алюминиевым блюдом. В блюде лежали куски медовых сот.

— Натек-ко! Ешьте. И ты иди, Евгений.

Но Евгений по-прежнему не обращал ни на кого внимания. Даже на мед.

Просто удивительно,— подумал Минька,— такой маленький и такой важный». Они со Стасиком поотказывались немного, а потом начали есть мед. Эх, какой это был мед! Прямо с воском ели, только во рту почавкивало. Дедушка глядел, глядел за Евгением и вдруг спросил:

— А чего, рябтушки, деготь собрались гонить? Так вот говорят, что в заводе-то беженцы поселились. Разбойники.

Минька даже поперхнулся.

— Нет, вы туда лучше не ходите, — сказал дедушка. — Чего, Евгений? Писать не хочешь? Ну, бегите, бегите...

Минька и Стасик выскочили из дедушкиной калитки.

— Слышал? — Минька дернул Стасика за рукав.

— Ага. Это мы. Беженцы-то.

— А, во как! — Минька от восторга запрыгал на одной ноге. — Знаем, знаем! Теперь знаем!

— Чего знаем?

— Как деготь гнать.

Стасик только сейчас понял, отчего так радовался Минька.

— Скорее! Поехали. Где Рыжко?

— Ох, Минька, а домой-то.

— Потом.

Они тайком проскользнули в поле, туда, где оставили Рыжка. Рыжка, однако, не было.

— Эх, украли у нас мерина,— вздохнул Минька.— Придется пешком ехать.

— Идти, а не ехать.

— Ну, идти! Какая разница?

Они чуть-чуть не поссорились, потому что разница все же была. Да и Стасику вдруг так захотелось домой, так ему захотелось увидеть отца и мать, что прямо жуть. Он чуть не заплакал. Минька же был таким непреклонным, таким непреклонным...
Друзья опять исчезли в лесу.

* * *

Под вечер в деревне начался переполох. Бригадир, отец Стасика, не очень-то верил Ключихе, когда она говорила о каких-то там разбойниках. Он даже не стал звонить в милицию. Но вот вдруг утром выяснилось, что нет дома Катьки! С вечера оба — и отец, и мать — пришли домой поздно и думали, что девочка давно спит на своем месте, в летней избе под пологом. Даже не посмотрели, чтобы не разбудить. Утром выяснилось, что Катьки под пологом нет. Побежали искать, но ее нигде не было. Кто-то, кажется мать Миньки, сказал, что Катька ушла следом за мальчишками в пионерлагерь. Родители успокоились, но ненадолго. А тут еще бригадир вдруг увидел в поле мерина, обузданного таким странным образом. Кто-то обуздал Рыжка веревочной уздой, но кто?

Бригадир прямо не знал, что делать... Уже под вечер в деревню пришел учитель Сергей Михайлович. Пока он пил чай у Минькиной матери, наступил настоящий вечер, а может, даже и ночь. Лиля вернулась домой и рассказала все новости: о том, что мерина видела обузданного, что Катька не спросясь ушла в пионерлагерь.

— В какой лагерь?— спросил Сергей Михайлович и вдруг вскочил с лавки.— Лагерь только завтра открывается.— И Сергей Михайлович стремглав выбежал из дома.

Ночью вся деревня была уже на ногах и никто не сомкнул глаз. Только в дом к деду Ивану Савельевичу ни один не догадался забежать, дом-то стоит на отшибе за изгородью. Решили немедля идти искать ребят.

(Дегтярное дело. Почему не идет деготь? На крыше. Третья ночь.)

Минька, Стасик и Хомутов не теряли времени зря. Да и Катька тоже. Она помогала им, как могла. Они еще засветло набили кубы старой берестой и нако-

пали у ручья глины. Можно бы уже затоплять нижние топки, но кубы-то были не закрыты. А чем закрывать? Круглые железные закрывашки, видимо, были давно потеряны. И тогда Минька сказал:

— Сделаем только один куб! Для пробы. Весь замажем глиной. На один-то куб глины хватит!

Катька, Стасик и Хомутов побежали за добавочной глиной. Они таскали ее на широких листьях лопухов, Минька тут же замазывал ею бересту. Когда оставалось замазать третью часть круглой дыры, Минька дал приказ разводить огонь.

Хомутов побежал ломать дрова, Катька притащила от костра горящую головешку.

Затопили.

Тем временем Минька начисто запечатал глиной бересту в кубе. Запылал огонь в печи, застреляли угольки на земляной пол.

Комары испугались дыму, потому что дым сегодня не шел в трубу.

— Эх, наверно, опять к дождю!— высказал предположение Стасик.

— А может, труба засорилась?— сказал Хомутов, и Минька не долго думая решил лезть на крышу. Он полез по углу, добрался до застрехи. Дальше было опасно лезть, потому что надо перекидывать ногу с угла на крышу и карабкаться. Катька, Стасик и Хомутов следили снизу, затаив дыхание.

— Ничего не выходит!— Минька слез на землю.— Надо лестницу.

— А если изнутри?— догадалась Катька.

— Ура! — закричал Хомутов.— Я тоже полезу. Внутри сарая залезли на громадную пыльную печь, нашли щель в крыше и с трудом раздвинули две доски. Доски были уже гнилые и на гвоздях не держались.

Минька и Хомутов выбрались на крышу. Было далеко видно вокруг. Синела река.

— А деревню видать?— спросил Стасик снизу.

— Не-е! Только гумно немножко.

Минька заглянул в трубу, сложенную из кирпича. Там была одна чернота. И тут его опять осенило.

— Катька!— закричал Минька.— Ну-ко закрой печь берестиной! Ненадолго. Катька и Стасик выбрали внизу большую берестину и на минуту закрыли топку. Дым хлынул в трубу. Он больше не останавливался, потому что образовалась тяга. Но берестина в руках Катьки загорелась от печи.

— Вытаскивай! На улицу!— скомандовал Минька, когда увидел все это через дыру в крыше.

Стасик мигом выволок пыхающую берестину и оттащил ее подальше от сарая. Она чадила долго, не могла догореть.

Миньке и Хомутову не хотелось слезать с крыши. «Эх, какой вид!— думал Минька.— Жалко, что нет бинокля. Либо подзорной трубы». Он пропустил вниз через крышу Хомутова, затем слез сам и надвинул тесины, сделал, как было, на случай дождя. И так ночная буря сдула с крыши три или четыре тесины. Они валялись теперь в малиннике за сараем.

Минька слез.

— А что, Миня, когда потечет?— весело спросил Стасик.

— Не знаю,— сказал Минька.— Может, завтра, может, сегодня.

Минька и впрямь не знал, сколько времени нужно калить в кубе бересту. Он жалел, что не успел спросить об этом у дедушки. Но ведь не бежать же из-за этого обратно? Надо ждать.

Хомутов опять приволок дров. Он где-то быстрее всех умел находить сухие ольховые дрова. Стасик подкинул в печь. Катька вздумала печь картошку, Стасик сходил за водой.

Все устали.

Незаметно садилось за лес нежаркое к вечеру солнышко, печь горела, как дома. Потом, когда солнце село, от реки начал подниматься белый туман, но в сарае было тепло.

— Минь, а как его называют? — спросил Стасик.

— Кого?

— Этого... Кто деготь гонит.

— Дегтярник? — спросила Катька.

— Дегтярь! — догадался Хомутов и стал очень довольный.

Картошка почему-то не пеклась, а только горела, а есть хотелось все больше и больше.

— Попировать бы... — задумчиво произнес Стасик.

Все промолчали. Спускалась ночь, а деготь все не тек. Минька и Стасик уже несколько раз ходили в темноту за печь, щупали там конец железной трубки, прочищали ее березовым прутком.

Нет, не тек пока деготь!

Печь жарко пылала.

Наконец решили поужинать. В том же котелке, в котором днем варили уху, Катька вскипятила воду и набросала в нее листьев смородины. Получился великолепный чай. Еще оставалось немного хлеба и соли. Картошка с одного бока была испеченная, с другого зажженная и очень сырая, но что было делать? Есть-то хотелось еще больше.

— Минь, а когда мы домой-то...— спросила вдруг Катька, но Минька не ответил.

— Тсс!— он поднял палец.— Слышите?

Никто ничего не слышал. Все замерли. Но вот далеко в лесу послышался крик. Или это птица какая? Ребята напряженно вслушивались. В печке гудел огонь, под крышей что-то потрескивало.

— Во, опять кричат,— шепотом произнес Хомутов.

— Двери надо закрыть,— сказал Стасик и пошел закрывать.

— А что, если сюда придут? — Катька уже дрожала от страха.

— Не придут!— сказал Минька.— Нигде нет никаких беженцев.

— А кто, Миня, Рыжка у нас увел? А?— спросил Стасик.

— Он, может, и сам ушел.

— Да. Сам. Как он сам-то?

— Ну, сам. Взял и ушел. Стой...

Крик повторился, но, кажется, еще дальше. И вновь стало тихо. На время от страха даже есть расхотелось, но Минька встал, еще раз проверил печь, куб, двери и все остальное. Дегтю пока не было. Стали ужинать.

15

(Чем все закончилось.)

Бригадир — отец Катьки и Стасика — с ружьем пошел искать ребят по одной дороге, а Евлаха поехал на тракторе по другой. Лиля и Сергей Михайлович опоздали и пошли после всех.

Была уже глубокая ночь.

Сергей Михайлович не на шутку встревожился, когда узнал, что ребят нет уже трое суток, а девочка не ночевала дома. Сказали, что ушли в лагерь. Но никакого пионерлагеря еще и в помине нет, он открывается только с завтрашнего числа!

В лесу Сергей Михайлович долго светил электрическим фонарем на дорогу, хотя ночь была белая, светлая.

— Вот здесь прошел трактор, — сказала Лиля, беря Сергея Михайловича под руку.

— Зачем нам трактор? Нам лучше другим путем.

Но трактор тарахтел где-то совсем рядом. Вот блеснули фары. Трактор стоял. Лиля от Сергея Михайловича подошла ближе и увидела тракториста Евлаха.

— Что, буксуете? — спросил учитель тракториста.

— Да нет, дорога крепкая. Вон, это... — Евлаха показал в лесную темноту, освещаемую фарами трактора. На большой белой бересте, растянутой на сучках, было написано:

Внимание! Обрыв провода. Опасно для жизни!

— Вот оно что... — Сергей Михайлович фыркнул. — Так что, не поедете?

Евлаха молчал. Он ходил около трактора и около странного объявления.

— Пошли, — Лиля потянула учителя за рукав. — Вот этой тропкой.

Тарахтящий трактор остался где-то левее. Они шли все дальше и дальше в лес, обивая с травы начинающуюся росу.

— Стой! — остановился Сергей Михайлович. — Кто-то кричит. Слышишь?

— Это бригадир, — сказала Лиля. — Он той дорогой пошел.

Ночь, казалось, уже шла на убыль. Вдруг Сергей Михайлович замер, увидев за деревьями багровый отблеск.

— Горит... Что тут? Дегтярный завод? —

Он, не разбирая тропы, бросился в лес, напрямик на этот багровый отблеск. Лиля не поспевала за ним.

Сергей Михайлович бежал, прыгая через пни и коряги. Огонь приближался, но, казалось, очень медленно. Наконец Сергей Михайлович выбежал на поляну. Крыша дегтярного сарая ярко и почти бесшумно горела с одной стороны. Огонь еще набирал силу, но делал это торопливо и основательно... Сергей Михайлович подбежал к двери, дверь была заперта изнутри. Он стукнулся, потом по углу быстро забрался на крышу. Начал отдиирать горящие доски и

швырять их на землю, в малинник. Он быстро раскидал горящую крышу, спустился на большую, почему-то теплую печь, спрыгнул на пол. Отбросил крючок, распахнул дверь, схватил под мышки сразу двух и вынес на воздух.

Двое других проснулись уже сами...

Подоспевшая Лиля утешала заревевшую Катьку, Сергей Михайлович прикрикнул:

— Ну? Деятели. Натворили делов. Тащите доски подальше.

И он начал откидывать горящие доски.

Через полчаса все было кончено. Развороченная крыша дегтярного завода уже не дымилась. К этому времени прибыл к месту пожара и бригадир. Увидев Катьку и Стасика, он сначала схватил их в охапку, потом оттолкнул:

— Вот я вас! Погодите у меня. Домой! Живо!

Но Катька почти спала на руках Лили. Отец повел Стасика собирать рюкзак, а Сергей Михайлович взял за руки Миньку и Хомутова:

— Пошли!

Минька покорно пошел по дороге. Он незаметно, про себя плакал. Отчего он плакал? Неизвестно. Может быть, боялся взбучки от матери. Может быть, он вспомнил сейчас отца, который жил где-то далеко в леспромхозе. А может, и еще от чего, неизвестно. Хомутов не плакал, а просто хныкал.

— Ну, что же вы, — остановился Сергей Михайлович — Как девчонки. А? Ну, ну. Минька... Идем...

— Еще... еще бы немножко, и потекло,— заикаясь произнес Минька.

— Это называется возгонка,— объяснил Сергей Михайлович.— Вы разве не проходили?

— Не-е...

Ночь кончалась, было уже совсем светло. Птичка какая-то начала просыпаться в лесу.

— Эх вы, дегтяри! — сказал Сергей Михайлович, отпуская Миньку и Хомутова.— Идите-ка сами.

Лиля почему-то тихо смеялась.